

Бадмаев Булат Бадмаевич

ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ПРАКТИКА КОРЕННЫХ ХОРИНЦЕВ: ЛОКАЛЬНАЯ ФОЛЬКЛОРНО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Статья посвящена проблемам регионализма устного народного творчества, разработке научной концепции о локальной этнической и территориальной природе бытования фольклора как необходимом условии, форме и способе его современного функционирования, поиску и выработке нового исследовательского дискурса, предмета рефлексии. В ней исследуются современное состояние и развитие фольклорно-генеалогической традиции коренных хоринских бурят в контексте их идентификационной практики. По мнению автора, фольклорно-генеалогические представления хоринских бурят структурируют их как этносоциальную группу, отражают их этногенетическое единство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 39; 398.1

Статья посвящена проблемам регионализма устного народного творчества, разработке научной концепции о локальной этнической и территориальной природе бытования фольклора как необходимом условии, форме и способе его современного функционирования, поиску и выработке нового исследовательского дискурса, предмета рефлексии. В ней исследуются современное состояние и развитие фольклорно-генеалогической традиции коренных хоринских бурят в контексте их идентификационной практики. По мнению автора, фольклорно-генеалогические представления хоринских бурят структурируют их как этносоциальную группу, отражают их этногенетическое единство.

Ключевые слова и фразы: хоринские буряты; генеалогический фольклор; проблемы регионализма; локальная традиция; история и современность; идентификационная практика.

Бадмаев Булат Бадмаевич, к. филол. н., доцент
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Vulat-67@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ПРАКТИКА КОРЕННЫХ ХОРИНЦЕВ: ЛОКАЛЬНАЯ ФОЛЬКЛОРНО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В современных условиях организации теоретической и практической деятельности одной из ключевых задач фольклористики становятся постановка проблем регионализма устного народного творчества, разработка научной концепции о локальной этнической и территориальной природе бытования фольклора как необходимом условии, форме и способе его существования, функционирования. Наша работа аккумулирована в решение именно такой задачи, направлена на раскрытие локальных/региональных свойств бытования фольклорно-генеалогической традиции коренных хоринских бурят в современном этнокультурном и природно-географическом контексте Байкальского региона. При этом научная разработка и решение данной проблемы предусматривают несколько иной дискурс, чем традиционные фольклористические исследования. Локальная этнотерриториальная фольклорно-генеалогическая традиция прослеживается нами не в русле общего развития фольклора коренных хоринцев, а через призму их идентификационной практики, роль и значение которой особенно остро актуализируются в общественной ситуации и культуре XXI в.

Коренные хоринцы (*бур.* «үндэһэн хориинхид» или «узуур хориинхид») – это целенаправленно привлекаемое нами идентификационное этносоциальное обозначение основной группы хоринских бурят, исконно проживающих на территории современных муниципальных образований «Еравнинский район», «Кижингинский район», «Хоринский район» Республики Бурятия. Некоторые из них компактно живут в соседних Бичурском, Заиграевском районах республики, а также в Петровск-Забайкальском, Хилокском районах Забайкальского края и Хэнтэйском аймаке Монголии. Иногда данную этнотерриториальную группу по сложившейся исторической аналогии называют главными хоринцами, что в принципе не опровергает выдвинутую нами версию. Современные агинские буряты, составляющие основное население Агинского Бурятского округа Забайкальского края и являющиеся тоже потомками древних хоринцев, могут идентифицировать их по территориальному расселению как «хойто хориинхид» (досл. «северные хоринцы»). Такая номинация, по всей вероятности, возникла в XVII-XVIII вв. в результате постепенного отдаления от основной группы хоринцев 8 южных родов (вначале их было 7, после 1804 г. стало 9, но в конечном итоге образовалось 8 «агинских» родов, известных как «Агын найман эсэг»). Вообще такие дефиниции, как «зүүн/баруун» (досл. восточные/западные), «хойто/урда» (досл. северные/южные), в идентификационной практике современных бурят представляют довольно частое и распространенное явление, выражающее более высокий уровень их территориальной общности и идентичности, чем интеграция/дифференциация по поселениям и районам. Тем не менее в большинстве своем они под восточными бурятами стереотипно продолжают понимать и принимать, прежде всего, значительную часть бурятского населения Республики Бурятия и Забайкальского края, а под западными – «иркутских» бурят-представителей булагатских, эхиритских родов, а также других этнических групп, живущих главным образом в Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области. Северными бурятами все больше называют «баргузинских» бурят-жителей современного Баргузинского и Курумканского районов Бурятии, а южными – «селенгинских», компактно проживающих в Джидинском, Кяхтинском, Селенгинском районах республики. Потому разграничение хоринцев на северную и южную группы имеет не только частное локальное значение, но и является исключительно единичным фактом. Однако повсеместное устойчивое наличие такого рода бурятских дефиниций позволяет нам все же утверждать о том, что данные обозначения в современной языковой практике вполне могут представлять особые разряды наименований, в одном случае функционирующие на уровне отдельных этнохоронимов, в другом – на уровне лингвонимов, т.е. общего названия диалектов, обслуживающих конкретные этнотерриториальные группы.

Безусловно, название «коренные хоринцы» в современной идентификационной практике бурят носит достаточно условный характер, хотя оно имеет реальное бытование, полностью разделяемое самими представителями этой группы. С позиции современной этнонимии такая номинация больше представляет собой автоэтноним (эндоэтноним как тип этнических обозначений) – самоназвание, которое «группа присваивает себе

как формальный маркер своей идентичности» [3, с. 61]. Но вполне возможно, что изначально такое название возникло именно как аллоэтноним (экзоэтноним), сформулированный, прежде всего, представителями «агинской» группы хоринцев, для которых после возвращения из Барга Монголии в Забайкалье крайне важным было любым способом обозначить свою юридическую и хозяйственную состоятельность, самостоятельность. Так, например, В. Юмсунов в своей исторической летописи 1875 г. писал: «Начиная с того времени (с утверждения в 1824 году Агинской инородческой управы – *Б. Б.*) агинские и ононские кочевья были причислены к Нерчинскому округу. Там они (агинцы – *Б. Б.*) обзавелись степной думой, и ввиду их желанья отделиться от хоринского народа имела место оживленная переписка с высшими властями. Хоринские сайты и народ, остававшиеся в составе Верхнеудинского округа, этого не пожелали и стали чинить препятствия. Даже отдельные агинские сайты и часть народа не имели желанья отделяться от коренного хоринского народа» [6, с. 92]. Формальное признание «агинской» группой коренных хоринцев зафиксировано и в названии другого исторического произведения – летописи «Прошлая история хоринских и агинских бурят», написанной в 1863 г. главной тайшой агинских бурят Т. Тобоевым [4, с. 5]. Таким образом, деление хоринских бурят на коренных и на отделившихся остальных хоринцев уже в XIX в. становится их основным этнодифференцирующим признаком, категорией этносоциальной самоидентификации, уровнем интеграции/дифференциации родов в иерархической структуре этнической идентичности.

Нет сомнения, что коренные хоринцы в основе своей являются потомками древних хоринских родов прото-монгольского происхождения и что они представляют собой, как и булагатцы, эхиритцы, хонгодоры и ряд других этнических, этнотерриториальных групп, автохтонную часть единого бурятского этноса. Однако, как показывают бурятоведческие исследования, многие их родовые ответвления, традиционно обозначаемые термином «кукур» (*бур.* «хүхүүр»), по своему происхождению являются инородными. Так, например, по мнению известного бурятского ученого Ц. Б. Цыдендамбаева, «кукуры получили свои наименования по именам сыновей главы рода, независимо от того, являлись ли они родными или чужеродными. Относительно последних надо заметить, что любая сколько-нибудь значительная группа чужеродцев, независимо от времени ее вхождения в состав данного рода, обычно считается как бы отдельным кукуром и именуется по прежнему родовому названию» [5, с. 66-67]. Видимо, в силу таких причин кукуры тех или иных родов оказались и у коренных хоринцев, и у отделившихся агинцев. Более того, идентичные хоринским родам и кукурам патронимии встречаются в Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области (это роды нохой-галзууд, гушад-боронууд, шарайд, хуасай), в Баргузинском (род галзууд), в Закаменском (род галзууд), Селенгинском (атаган-шарайд, табангууд-батанай) районах Бурятии, а также среди якутов (роды хоролор, ботулу, ноход), новых баргутов Внутренней Монголии Китая (шэнэ баргууд) и халха монголов (главным образом в Дорнодском и Хэнтэйском аймаках Монголии). Однако же генетические связи некоторых «иркутских» и «баргузинских» родов с хоринскими родами в настоящее время все еще остаются неясными. В то же время, как показывают современные исследования, многие кукуры «хойто» хоринцев по своему происхождению являются инородными (больше тюркскими).

Традиционным общим фольклорно-генеалогическим источником в современной идентификационной практике и коренных, и отделившихся остальных хоринцев остается предание о Барга батаре и его младшем сыне Хоридое, повествующее о генезисе всего племени, истории его взаимосвязей с баргутами, булагатцами, эхиритцами и ойратами. В течение многих столетий существования эпонима Хоридой, ставшего олицетворенным названием самого племени и титула его предводителей (вследствие персонификации этнонимом, далее и титул стали восприниматься как предок данной этнической общности), вокруг него появился целый цикл разновременных устных нарративов. Несмотря на то, что смысловое ядро этих рассказов традиционно оставалось без каких-либо особых изменений, каждый из последующих циклов в зависимости от той или иной социальной обстановки неизменно обрастал новыми мотивами. Его древнейший пласт, по всей вероятности, относится к мифам родоплеменной архаики, на стадии которой и стали формироваться образы предков раннего «золотого» времени. В культуре такого архаического мифа образ Хоридоя начал выступать в роли простого охотника, женившегося на оборотне деве-лебеди. Именно мотив об охотнике, передающий «нам в искаженном виде воспоминание о тех нормах морали и обычаях, которые существовали во времена первобытнообщинного строя» [2, с. 138], о звероловческом быте, о похищении одежды небесной девы-лебеди и женитьбе на ней становится древнейшим элементом данного мифа.

Следующий слой повествований о Хоридое представляют мифологизированные легенды, формирующие мифоисторическую традицию (В. Н. Топоров) и находящиеся уже у истоков собственно исторического сознания. В такой дифференцированной культуре классической мифологии образ Хоридоя постепенно трансформируется, и он уже выступает в роли меткого стрелка-мэргэна или старейшины-үбгэна. И в первом, и во втором случае Хоридой неизменно олицетворяет собой отделившегося от остальных монголов родового предводителя-нойона.

Более поздним пластом повествований о Хоридое являются исторические, историко-генеалогические предания. В институциональной культуре бурятского народа Хоридой – крупный или мелкий феодал – потомок монгольской высшей знати. Из хроники Т. Тобоева «выясняем нижеследующее: младшим из трех сыновей Баргу батор дайчин нойона монгольских двух тумэтов был Хоридай мэргэн, а рожденная от его первой жены Баргажан-гоа была единственной дочерью Алан гоа. От второй жены, по имени Шаралдай, было пять сыновей... от третьей жены, по имени Нагатай, было шесть сыновей... с каковыми родились (всего) одиннадцать сыновей» [4, с. 5].

Таким образом, следует заключить, что устойчивое разграничение понятий «хойто» (северные) и «урда» (южные) хоринцы изначально носило сугубо территориальное значение, определяющее в иерархической структуре их этнической идентичности нижний уровень интеграции и дифференциации по месту пребывания

и расселения. Такая практика хоринцев никак не связана ни с их архаичным матрилинейным делением по принципу «шаралдаево пятеро» (*бур.* «Шаралдайн табан») и «нагатаево восьмеро» (*бур.* «Нагатайн найман»), в состав первой группы которого входили роды галзууд, хуасай, хүбдүүд, гушад, шарайд, а второй – роды харгана, худай, бодонгууд, батанай, сагаан, хальбан, хайтал (по летописным традициям хоринцев – хайдуул, по родословным преданиям – хойтол) и шоно (по летописным традициям хоринцев – чинууд, по родословным преданиям – шанхайд, сонгоод), ни с их ранними двумя фратриальными объединениями, когда в основе первого выступал род галзууд, сплотивший в «табан шара галзуудтан» близкородственные роды шарайд и гушад, затем и роды хуасай, хүбдүүд, а в основе второго – род харгана, собравший вокруг себя роды худай, хальбан, в дальнейшем и бодонгууд, батанай и сагаан. Ибо в итоге оказалось так, что в составе и «хойто», и «урда» хоринских родов оказались кукуры как «шаралдаевых пятеро», так и «нагатаевых восьмеро», включая, согласно летописной традиции, еще роды хайтал (по другим данным хайдуул, хойтол) и шоно (по другим данным чинууд, шанхайд, сонгоод). Так, например, в территориальную группу «урда» хоринцев с самого начала входили многие кукуры родов галзууд, харгана, хуасай, хүбдүүд, шарайд, бодонгууд, сагаан, а в начале XIX в. и отдельные кукуры родов хальбан и худай, кочевавшие в то время по рекам «Ингода, Чита, Улунга и Тура» [Там же, с. 22]. Но именно дальнейшее в прямом и переносном смысле отдаление «урда» хоринских родов неизбежно привело к тому, что они начали постепенно идентифицировать себя не в единстве со всеми другими хоринцами, а их относительно самостоятельную часть, именуемой как агинские буряты. Вследствие чего первоначальное значение понятия «урда» хоринцы, впрочем, как и в последующем «хойто», стало приобретать несколько другую, уже этнотерриториальную, окраску. И сегодня в состав агинских бурят входят в общей массе представители родов галзууд, хуасай, хүбдүүд, шарайд, харгана, бодонгууд, хальбан и сагаан, хотя их исконные кукуры, составившие этническое ядро протомонгольского происхождения, а также большинство родов гушад, худай и батанай все же обосновались в «Хойто Хори».

Безусловно, собственно само территориальное обособление, затем и административное разделение «хойто» (северных), как и «урда» (южных), хоринских бурят обусловлено объективными историческими событиями начиная с XVII в. Оно непосредственно связано с возвращением 11 хоринских родов из Барга Монголии (1607-1613 гг.) и расселением их по бассейну рек и озерам «Хилок, Уда, Ана, Тугнуй... Курба, Кудун» [Там же, с. 7], «Чикой, Витим, Еравна, Хорго, Сакса, Исэнгэ, Архирей» [6, с. 39, 76], хотя вышеуказанные роды галзууд и харгана, возможно, сыграли со своей стороны немаловажную роль в том, что хоринцы после известных событий, связанных с именем легендарной княгини Бальжан хатан, все-таки начали кочевать в ойкумене Байкальского региона двумя большими группами. И, вероятнее всего, поэтому и стали широко известными среди хоринских бурят именно нойоны и сайты галзутского и харганаевского родов, наиболее яркими представителями которых являются Шодо Болтирогой и Олбори Дашын, проявившие в полной мере свои неординарные лидерские качества, возможности и организаторские способности в период установления российской границы. Однако, как свидетельствуют устные и письменные источники, все же самое прямое влияние на территориальное разделение всех хоринцев имели их стычки с ононскими хамниганамулятами, далее мирный трактат о принятии подданства (1642-1645 гг.), Нерчинский договор (1689 г.), пожалованная Грамота-Указ царя Петра Алексеевича (1703 г.), Буринский договор (1727) и установление границы (1727-1728 гг.), царский Указ правительствующему Сенату, основанный на соглашении о передаче казне 105 000 десятин земли (1806 г.), известный «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.), переселение части хоринских родов с Ингоды, Читы, Улунги, Туры в агинские и ононские степи (1806-1860-е гг.), и наконец, административное отделение агинских бурят от остальных хоринцев, создание самостоятельной Агинской степной думы с шестью инородными управами (1839 г.) и многие другие события, включая разъединения в XX в. Бурят-Монгольской республики (1937 г.) на 3 относительно неравноправные автономии. Тем не менее, как показывают наши полевые материалы, «хойто» хоринцы смогли в определенной мере сохранить исконные родовые земли, знания о местах рождения, проживания и покоев предков, о родовых обоо – культовых каменных сооружениях (а в более позднее время и о буддийских бунханах-часовенках, субурганах-ступах – *Б. Б.*), которые, в отличие от территориальных обоо, сложенных в честь местных локальных духов-хозяев (*бур.* газар газарай эзд, хаад, сабдагууд, дэбжээд, найдак, юлхха, уһанай лусад или лусууд, догшин хара лусууд), стали своеобразными ориентирами мест обитания духов их предков. И, как нам представляется, помимо относительной общности истории, названия, диалекта, представлений о святых местах, локальных божествах-духах и многого другого, социальное родство, обусловленное территориальной принадлежностью людей, стало сегодня одним из самых важных признаков духовного единения «хойто» хоринцев, хотя в действительности рассматривать их исконные земли как этническую территорию сегодня очень сложно. Но как бы то ни было, именно тесное единство родоплеменной и территориальной отнесенности «хойто» хоринских бурят становится сегодня основным условием сохранения их этнического разнообразия и самобытности.

Потому в формировании этнического самосознания коренных «хойто» хоринцев, равно как и других этнических и этнотерриториальных групп бурят, на современном этапе немаловажную роль играет весь комплекс их родовых знаний, в т.ч. генеалогические мифы о лебеди-праматери, стадияльно сформировавшиеся в контексте общественного развития пласты легенд о первопредках и родоначальниках (*бур.* уг удам, узуур удха), отнесенных с разновременными образами Хоридоя как охотника, в дальнейшем мэргэна-меткача, знатного родовича, сына крупного феодала, представленного путем персонафикации образа Барга батора, этнологические рассказы о происхождении как в целом народа и племени, так и его конкретных родов, родовых ответвлений (*бур.* арад, угсаа, обог эсэгэ, ураг, яһан, омог, хүхүүр, соло), о ранних социальных административно-

территориального характера объединениях (*бур.* айл, хотон, бүлэг/хомон, отог, хошуун, аймаг, улас), исторические рассказы о действительных событиях и примечательных людях прошлого, к которым в полной мере относятся родовые вожди (*бур.* удамаршад), предводители (*бур.* ударидагшад), носившие в разное время титулы «баатар» (богатырь), «билгэ» (знатный, известный), «бүхэ» (крепкий), «бэрхэ» (искусный), «бэхи» (твердый), «мэргэн» (меткий), «сэсэн» (мудрый), «түргэн» (быстрый), а в более поздний период – и должностные звания «занги» (глава кукура), «заһуул» (глава улуса/хотона), «шүүлэнгэ» (глава холбона/табин), «зайһан» (глава рода / родового управления), «тайшаа» (глава Степной думы) и т.д., знаменитые шаманы, буддийские монахи, волхвы, кудесники, ясновидящие, знатоки-рассказчики и т.д.

Как показывают наши материалы, в условиях бесписьменности в комплекс родовых премудростей коренных «хойто» хоринцев в разное время входили знания личных, семейных и родовых божеств разного ранга, повседневных и ежегодных (шаманских, затем и буддийских) ритуалов и обрядов почитания предков, а также знания боевого клича-урана (*бур.* ураа, уряа, уухай), знамени и выпела (*бур.* туг, дарсаг), особых родовых прозвищ (*бур.* соло, дохёо, мунгаалга, далда нэрэ), тавро (*бур.* тамга) и меток (*бур.* тэмдэг). Последние были не просто особыми знаками «хойто» хоринцев на право владения ими домашними животными, орудиями труда, охотничьими и боевыми снаряжениями, но главным образом родовыми символами. И эти символы указывали на принадлежность человека к определенному роду, кукуру и имели магическое значение почитания общего культа праматери не только в виде общеплеменного тотема лебедя, но и родовых тотемов и фетишей. Таким образом, наиболее обожествляемыми родовыми животными стали у галзууд собака (тогда как другие галзутцы в ранг родового тотема привнесли образ жеребца), у хуасай – лось, у хүбдүүд – орёл, у гушад – кречет (у хара и шара гушад – глухарь), у шарайд – изюбр, у худай – рысь, у бодонгууд – вепрь, у хальбин – колонок (у агинских хальбин – лиса), у сагаан – волк, у батанай – заяц и т.д. И, как отмечается в некоторых бурятоведческих исследованиях, родовые метки ставились и на людях, причем не только на подневольных, но и на воинах [1, с. 4].

И такие метки в виде татуировок, расположенных на определенном участке тела, или знаков на одежде могли служить особыми опознавательными знаками, позволяющими людям легко распознать своих в бою, облавной охоте и других случаях жизни. По всей вероятности, свои отличительные знаки носили и шаманы, предводители, а также другие знатные хоринские родовичи в знак своего высокого и особого предназначения. Но все же коренные «хойто» хоринцы, равно как и все другие буряты, традиционно особое внимание придавали знанию своей фамильной родословной, тем самым оберегали честь каждого человека, семьи, рода-племени. Именно генеалогические (родословные) древа, выступающие своеобразным фактором этнической идентичности человека, отражали родоплеменную принадлежность каждого его представителя и составляли основу всех хоринских (фамильных, сводных и семейных) родословных. И каждое такое древо «хойто» хоринцев, оформленное в виде схемы, способное стать в наше сложное время самым действенным фактором этнической идентичности, представляет собой удивительное явление общей национальной культуры, заслуживающее самого бережного отношения, серьезного научного изучения и достойного продолжения.

И сегодня, когда происходит постепенная миграция и урбанизация всего бурятского населения, унификация и нивелировка как локальных, так и общенациональных ценностей, незнание хотя бы самых элементарных общих правил, принципов и методов оформления родословных книг неизбежно повлечет за собой полную утрату сложившихся традиций их составления.

Список источников

1. Михайлов В. А. Тамги и метки бурят в конце XIX – первой половине XX в. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1993. 68 с.
2. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. 261 с.
3. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
4. Тобоев Т. Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят / пер. Н. Н. Попе // Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ, 1995. С. 5-35.
5. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2001. 256 с.
6. Юмсунов В. Ю. История происхождения одиннадцати хоринских родов / пер. Н. Н. Попе // Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ, 1995. С. 36-102.

KHORY BURYATS' IDENTIFICATION PRACTICE: LOCAL FOLKLORE AND GENEALOGICAL TRADITION

Badmaev Bulat Badmaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Buryat State University, Ulan-Ude
Bulat-67@mail.ru

The article considers the problems of oral folklore's regionalism, focuses on developing scientific conception of folklore's local ethnic and territorial nature as a necessary provision, form and way of its modern functioning. The study aims to develop new research discourse, the subject of reflection. The author examines the modern state and development of Khory Buryats' folkloric and genealogical tradition in the context of their identification practice and concludes that Khory Buryats' folkloric and genealogical conceptions structure them as ethno-social group, represent their ethno-genetic integrity.

Key words and phrases: Khory Buryats; genealogical folklore; regionalism problems; local tradition; history and modernity; identification practice.